
**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И
МЕТОДИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ:
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

Р.М.Нугаев

(Казань)

Предлагается обзор возникновения и институционализации основных направлений современной западной социологии знаний. Утверждается, что наиболее интересные перспективы связаны с разработкой так называемого социального конструирования реальности П.Бергера и Т.Лукмана.

Ключевые слова: *социология науки, социология знания, тезис Дюгема-Куайна, сильная программа социологии науки, конструктивистская программа, модель интересов, оппортунизм в контексте, деятельностный подход, социальное конструирование реальности.*

В силу того что социальные функции науки в современном обществе трудно переоценить, социология науки занимает особое место среди основных социологических дисциплин, таких как социология труда, социология культуры, социология религии. Как и любая другая область социологии, социология науки исследует институциональную

организацию, структуры, процессы и контексты своей сферы социальных явлений. Несмотря на свою молодость (первые диссертации по социологии науки были защищены всего 60 лет тому назад), социология науки добилась весомых результатов прежде всего в постановке и решении таких проблем как социальная и когнитивная организации научного исследования, социальные последствия научно-технической революции и социальные контексты научных исследований и открытий. Соответственно, в социологии науки сложились и были институционализированы три основные области исследований:

- социальная структура и этос (и более широко - культура) науки,
- проблемы взаимодействия науки и общества,
- социология знания.

Первые две области уже успели к настоящему времени сложиться в солидные научные направления, характеризующиеся повсеместно признанными достижениями, сохранившими свое значение вплоть до наших дней. Так, например, еще Роберт Мертон положил начало плодотворному рассмотрению этоса науки как взаимосвязанного комплекса институционализированных ценностей и интернализируемых норм.

Ко второй группе относятся проблемы исследования научного этоса в социальном контексте, в частности, при тоталитарных режимах. Для последних характерно грубое попрание ряда этических норм научной деятельности, подкрепленное всепроникающим влиянием государственной машины. Как ни странно, исследования науки в тоталитарных режимах не подтверждают пламенные филиппики автора "Ракового корпуса" о необходимости гражданских свобод для полноценного научного исследования (см., например, [1]). Такие столпы военно-промышленного комплекса как физико-математические науки, например, в тоталитарных режимах

просто процветают (хотя, как хорошо известно, Сталин отдал распоряжение о фантастическом для того времени повышении окладов научных работников только в середине войны, уморив с голоду, по меньшей мере, одно поколение профессоров). К сожалению, в гуманитарных и общественных науках дело обстоит диаметрально-противоположным образом, в чем без особого труда могли убедиться читатели этой статьи.

Вынесенная в заглавие социология знания радикально отличается от своих респектабельных соседей, являясь с самого своего зарождения фокусом ожесточенных дискуссий. Согласно традиции, заложенной, судя по всему, еще К.Маннгеймом (хотя сам термин "социология знания" принадлежит М.Шелеру), предмет социологии знания - изучение влияния социокультурных факторов на структуру и развитие научного знания. Несмотря на значительные достижения, полученные представителями "структуралистского" направления (достаточно учесть классические исследования Р.Мертон по влиянию протестантского этоса на становление науки Нового Времени, выполненные в традиции Вебера и Парсонса), за последние десятилетия был выявлен ряд обстоятельств, заставляющий пересмотреть как маннгеймовское понимание предмета социологии знания, так и традиционные для социологии знания методы исследования. Что же это за обстоятельства?

Первым фактором, оказавшим решающее влияние, является становление и институционализация истории науки как академической дисциплины. Институционализация науки означала качественный скачок в росте специальных науковедческих знаний, радикальное переосмысление закономерностей развития науки, ее движущих сил и источников развития. Тщательное изучение "научных картин мира", доминировавших, начиная с аристотелевской физики и космологии, в разные эпохи развития науки, естественно приводит любого непредвзятого исследователя к заключению,

согласно которому рассмотренные картины "погружены" в культуры своих эпох. Они социокультурно-детерминированы и, следовательно, нет и не может быть никаких жестких критериев, логицистских шаблонов, позволяющих сделать однозначный выбор в пользу одной из них. Говоря языком современной философии науки, научные картины мира, сменяющие друг друга в процессе развития науки, "несоизмеримы", и сравнение их друг с другом не дает никаких оснований для заключения о том, что они стремятся к какому-то пределу, как это утверждают сторонники набившей оскомину корреспондентской теории истины.

Вторым фактором, оказавшим не менее интенсивное воздействие, явилось развитие современной философии науки. Здесь необходимо выделить два результата - тезис об относительной независимости теоретических положений от результатов наблюдений и тезис Дюгема-Куайна. В ходе обоснования первого тезиса было показано, что одна и та же группа опытных данных может быть объяснена значительно отличающимися друг от друга в семантическом отношении теориями (см., например, [2]). С другой стороны, строго теоретические высказывания не являются индуктивными генерализациями опытных данных (см., например, [3]). В этом смысле мы можем говорить о "недоопределении" теории опытом. Второе положение - тезис Дюгема-Куайна - сводится к высказыванию, согласно которому ни один отдельно взятый эксперимент, ни группа экспериментов не могут опровергнуть фундаментальную теорию.

Кроме первого и второго, были и другие факторы, но их детальный анализ может увести нас от цели данной работы. Первые два вполне достаточны для понимания того, что переосмысление самого предмета социологии знания и выделение в нем нового, "конструктивистского" направления диктовалось самими **внутренними** закономерностями, самой логикой развития социологии знания, но не социокультурными

прихотями отдельных исследователей. Согласно представителям нового направления, научное знание является результатом **социального конструирования** реальности. Представители двух ведущих направлений социологии знания значительно отличаются друг от друга прежде всего в рассмотрении таких вопросов как степени различий между наукой, магией и религией, критерии научности, степень всеобщности положений, считающихся истинными, и, в самом общем случае, в оценке степени влияния внешних воздействий на результаты наблюдений и экспериментов. Но, как бы ни отличались представители этих направлений между собой, их объединяет прежде всего то, что они реализуют **социологический подход** к знанию. Последний отличается от всех других и прежде всего от эпистемологического тем, что он не занимается выработкой неких общенаучных канонов "знания как такового" и их сравнением с реальным научным знанием. **Социология должна изучать все то, что считается в данном обществе "знанием", что люди данной эпохи понимают под знанием**, вне зависимости от того, как это знание соотносится с современными канонами рациональности. Как и всякая отрасль социологии, такая, например, как социология религии, социология знания интересуется не столько причинами возникновения индивидуальных верований (идей, убеждений), сколько **распределением** верований между социальными общностями и даже индивидами, причинами их принятия или отбрасывания, причинами, которые имеют статистический характер.

Суть именно социологического подхода к знаниям прекрасно изложена в знаменитой Сильной Программе Социологии Науки Д.Блура и С.Барнса. Согласно Блуру, все без исключения знание, включая эмпирические науки и даже математику, должно рассматриваться в качестве материала для

социологического исследования. Последнее должно подчиняться четырем правилам: во-первых, оно должно быть причинным, учитывающим условия возникновения знания. Во-вторых, оно должно рассматривать на равных основаниях как материал для описания и объяснения, как истину, так и заблуждение, как рациональные, так и иррациональные аспекты научного исследования. В-третьих, социологические объяснения должны быть симметричными: одни и те же причины должны объяснять как появление теорий, которые считаются сегодня истинными, так и теорий, которые считаются ложными. Как отмечает в своей книге Блур (см. [4, р. 5]), это на первый взгляд необычное требование становится само собой разумеющимся, если мы примем во внимание, что цель физиологии - объяснение как здоровья, так и болезни, что цель механики - понимание как тех машин, которые работают, так и тех машин, которые работать не могут. В четвертых, социологический подход должен быть рефлексивным, то есть он не должен нарушать те нормы, которые сам описывает в качестве научных.

Последовательная реализация Сильной Программы в социологии знания не эквивалентна принятию тезиса о том, что все содержание научного знания носит социальный характер, и что любое изменение содержания научных теорий вызвано непременно внешними, социальными причинами. Сильная Программа вовсе не связана с оправданием сталинистских интервенций в генетику или космологию, несмотря на то, что она органично включает работы Формана, вскрывшие влияние социокультурных факторов веймарской республики на создание квантовой механики (подробнее см. [5]). Острые критики блуровского подхода направлены против попперовского и лакатошевского телеологизма, нарушающего тезис симметричного объяснения: последние полагают, что социология необходима только тогда, когда надо объяснить девиации, отклонения от магистральных путей развития

научного разума. Последний же развивается по своим собственным законам: гегелевская "хитрость разума" всегда помогает ему пробивать себе дорогу через хаос случайностей, внешних по отношению к внутренней истории факторов. По Лакатошу, внутренняя история первична, а внешняя - вторична [6]. Наука всегда каким-то образом умудряется развиваться по своим собственным законам и преодолевать все внешнее давление. Но подобное объяснение насквозь **телеологично**. Вера в подспудные глобальные законы, управляющие развитием науки, больше напоминает историцистский предрассудок, чем взвешенное, основанное на опыте суждение. Почему бы с самого начала не предположить, что "законы науки" - это законы-тенденции, то, что возникает в результате непредсказуемого взаимодействия когнитивных (внутренних) факторов с социокультурными (внешними)? Как справедливо подчеркнул один из наиболее влиятельных специалистов в социологии знания (см. [7, pp. 454-456]), ни термин "открытие", ни термин "конструирование" не являются сами по себе адекватными метафорами для описания процесса производства научного знания. Итог научного исследования - это ни фотография природного объекта, ни результат общественного договора. Исследование частного случая - девоновской полемики в геологии во второй половине XIX века - показывает, что новое знание в науке во многом испытывает влияние со стороны природных объектов. Но оно становится знанием только тогда, когда для того, чтобы быть включенным в систему предыдущего знания, эти природные объекты наделяются новыми смыслами и значениями.

Всякое исследование, сделанное в рамках конструктивистской программы, характеризуется использованием так называемой **модели интересов**. Рассмотрим этот метод конструктивизма более подробно. Указанная модель основывается на предположении, что политические, религиозные и особенно профессиональные интересы ученых

(последние обусловлены вполне естественным намерением любого профессионала поддерживать свой профессиональный статус среди коллег) оказывают значительное влияние на содержание научного знания, в частности, влияя на процесс отбора конкурирующих теорий. Особенно наглядно эффективность данной модели была продемонстрирована А.Пиккерингом в его анализе микрореволюции в физике высоких энергий, завершившейся принятием цветовой теории кварков. В многократно переиздававшейся книге "Конструирование кварков" [8], автор детально, тщательно, шаг за шагом, разбирает переход сообщества физиков высоких энергий от старой концепции к новой, сопровождавшийся ситуацией выбора одной из нескольких конкурирующих теорий. При помощи авторской концепции "оппортунизма в контексте" в исследовании вскрыта решающая роль профессиональных интересов ученых в принятии новой теории. "История физики высоких энергий может быть понята как история коммунального поиска конгениального мира: мира, обладающего социальным смыслом, мира, в котором практика может быть социально организована. В разные времена были сконструированы разные миры - миры природных явлений и теоретических конструкторов. Однако случилось так, что миры старой физики оказались разобщенными, плохо связанными друг с другом. Традиции, организованные вокруг каждого из миров, не поддерживали друг друга. Низкоэнергетическая физика резонансов, например, значительно отличалась от исследований высокоэнергетических процессов мягкого рассеяния. Специалисты в каждой из этих областей признавали друг друга, но никак не взаимодействовали. С приходом новой физики концептуальное объединение сил природы сопровождалось социальным объединением практик. Слегка преувеличивая, можно сказать, что в результате перехода от

старой физики к новой все выиграли и никто не проиграл" [8, pp. 411-412].

И, наконец, наиболее интересным результатом конструктивистского направления признана книга Латура и Вулгара "Лабораторная жизнь" [9], написанная как отчет о годовом наблюдении одного из авторов (Б.Латура) за жизнью биохимической лаборатории. До этого Латур успел поработать антропологом в Африке, что несомненно пригодилось при написании "Лабораторной жизни": деятельность ученых описывается человеком, который ничего не понимает в науке и рассматривает группу как еще одно племя со своими весьма странными, с точки зрения среднего европейца, обычаями. Подобная позиция обладает своими преимуществами, позволяя автору подметить детали, ускользающие от внимания более эрудированных, но менее независимых коллег. Первое, на что обращают внимание авторы, - это на то, что реальные, настоящие ученые - сотрудники одной из крупных американских лабораторий - весьма слабо напоминают своих карикатурных персонажей, сошедших со страниц поперианцев. Особенно поразило антропологов маниакальное пристрастие экспериментаторов к написанию разного рода документов - начиная от незатейливых лабораторных записей и кончая монографиями на весьма специальные и понятные нескольким десяткам ученых мужей темы. Лаборатория, по Латуре и Вулгару, - это место, где крысы и химикалии перерабатываются в статьи и монографии, место, где происходит социальное конструирование реальности. В этом процессе реальность является не причиной, а результатом, итогом конструирования, в процессе которого деятельность ученого направлена не на природу, а на работу с высказываниями. Более того, даже сами образцы, с которыми имеют дело ученые, - это тоже результаты конструирования при помощи индустриальных методов химической очистки и т.д.

Итак, таковы некоторые итоги развития социологии знания. Какими же должны быть методы последней, адекватные новому пониманию ее предмета? В силу того, что достаточно зыбкие их контуры только-только начинают проступать из во многом туманных высказываний современных исследователей, мы также ограничимся лишь указанием перспективы. Она может быть более четко выявлена при сопоставлении с одним из наиболее влиятельных традиционных направлений в социологии знания.

Основное положение социологии знания о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, позаимствовано, несомненно, у Маркса. Но что все-таки понимать под общественным бытием и общественным сознанием? Какую детерминацию Маркс имел в виду? Экономический детерминизм, конечно же, неприемлем, и современные интерпретаторы совершенно справедливо призывают к аллегорической интерпретации основного тезиса исторического материализма. А именно: человеческое мышление производно от человеческой деятельности и социальных взаимосвязей, возникающих в результате этой деятельности. Необходимо рассматривать общественное бытие и общественное сознание как человеческую деятельность и как мир, созданный этой деятельностью, соответственно. Тогда мы получим тезис, согласно которому мир практики (понимаемой в предельно широком смысле) детерминирует человеческое сознание, тезис, который легко вбирает в себя те конструкционистские результаты, которые мы описали.

Но, несмотря на то, что подобный "деятельностный" подход представляет собой важный шаг вперед, он все-таки ограничен, поскольку деятельность является лишь одной из сторон проявления человеческой активности. Именно человеческая активность первична по отношению к человеческому мышлению. Деятельность является лишь одной из сторон проявления активности. Второй стороной является

человеческое поведение. Как отмечает А.Л.Никифоров [10], активность человека выполняет две функции. Во-первых, преобразуя мир, она служит средством удовлетворения потребностей человека. Во-вторых, она является средством выражения самой личности. Первая сторона представляет собой целенаправленный процесс реализации различных интересов, в то время как вторая характеризует личность вне объективированных форм выражения активности.

Следовательно, более полный и последовательный вариант социологии знания должен принимать во внимание не только деятельностьную, но и поведенческую сторону активности человека, представленную в социологии традицией, связанной с именами Вебера и Шютца. Социальное конструирование реальности должно исходить из социологии повседневности, из экзистенциальной детерминации мышления бытием человека в мире (подробнее см. [11]).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грэхэм Л.Р.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.:Политиздат, 1991.
2. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М.:Прогресс, 1986.
3. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. М.:Прогресс, 1983.
4. *Bloor D.* Knowledge & Social Imagery. The University of Chicago Press, 1991.

5. *Forman P.* Weimar culture, causality and quantum theory, 1918-1927: adaptation of german physicists and mathematicians to a hostile intellectual environment// *Historical Studies in the Physical Sciences*, vol.3, 1971.
6. *Лакатос И.* История науки и ее рациональные реконструкции// *Структура и развитие науки*. М.:Прогресс, 1978.
7. *Rudwick M.* The Great Devonian Controversy. The Shaping of Scientific Knowledge among Gentlemanly Specialists. The University of Chicago Press, 1985.
8. *Pickering A.* Constructing Quarks. A Sociological History of Particle Physics. The University of Chicago Press, 1992.
9. *Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. Princeton University Press, 1986.
10. *Никифоров А.Л.* Деятельность, поведение, творчество// *Деятельность: теория, методология, проблемы*. М.:Политиздат, 1990.
11. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.:Медиум, 1995.